

Н.Е. Плаксина

М.И. ЗАЛЕССКИЙ ОБ ИКОНОПИСАНИИ СТРАННИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00238 А.

Рассмотрено сочинение каргопольского писателя–старообрядца М.И. Залесского (1894–1975), посвященное искусству иконописания среди последователей страннического согласия – наиболее закрытой и малоизученной группы старообрядцев XIX–XX вв. Анализ источника позволил рассмотреть широкий круг вопросов: о значении иконы в среде странников, о статусе иконописца, об организации, стилистике, эволюции страннического иконописания, соотношении канона и авторской индивидуальности.

Ключевые слова: старообрядчество; странническое согласие (скрытники); икона; иконописание; иконописец; письменные источники; Ярославский предел; Ивановский предел.

Материалы историка страннического согласия Максима Ивановича Залесского, хранящиеся в рукописном отделе Библиотеки Академии наук РАН, являются важнейшим источником по истории страннического согласия. Одно из наиболее крупных его сочинений – рукопись «Илья Репкин и Антипа Смирнов, их жизнь и творчество в связи с общим обозрением искусства иконописания среди странников». Рукопись входит в состав Каргопольского собрания БАН под № 83.

Впервые на ценность этого сочинения для изучения художественной традиции старообрядцев-странников обратила внимание В.Г. Подковырова, давшая его краткую характеристику. Рукопись представляет собой черновик (беловой вариант, по свидетельству самого М.И. Залесского, утрачен), написанный скорописью в конце 1930-х гг., переплетенные 85 листов и 13 листов, отдельно вложенные в конверт [1. С. 165–166]. Сведения, изложенные в этом труде, основаны как на личных воспоминаниях Максима Залесского, принадлежавшего к странничеству и лично знавшего многих из тех, о ком писал, так и на воспоминаниях других людей, причастных к странническому согласию, а также на широком круге письменных источников (писем, показаний, рукописей и пр.) и сочинениях И.К. Пятницкого, в частности «Русский сектант в своей истории» (Санкт-Петербург, 1884 г.).

Особую ценность труду М.И. Залесского придают составленные им списки иконописцев-странников, благодаря которым были уточнены сведения об иконописцах Каргопольского предела, уроженцах Зырянского края, авторах сохранившихся в частных собраниях подписных икон [2, 3]. Изложенная М.И. Залеским история становления иконописного дела у странников способствует пониманию путей формирования локальных художественных центров, каким являлась мастерская старообрядцев-странников в Каргопольском уезде Олонецкой губернии [4]. Дальнейшее изучение страннического иконописания ставит вопрос о его истоках, стилевых и иконографических особенностях, роли культурных контактов в формировании региональных художественных центров.

Сам факт обращения Максима Ивановича Залесского к теме иконописания свидетельствует о значи-

мости этого вопроса в духовной культуре странников. Странников отличало особенно ревностное отношение к иконе, которая оставалась единственным средством спасения в миру, в котором воцарился Антихрист. По сообщению М.И. Залесского, странники поклонялись лишь древним дониконовским образам, и не принимали икон, «писанных рукой иначе мудрствующих» [5. Л. 91]. Поэтому вопрос о снабжении растущего согласия странников иконами своего письма стал предметом особого собора 1848 г., проходившего в столице странников толка статейников – деревне Сопелки Ярославской губернии.

В результате было налажено обучение иконописцев из своей среды, и к концу XIX в. у странников сложилась своего рода иконописная школа, которую М.И. Залесский называл пошехонской, по всей видимости, по месту проживания наиболее ярких представителей страннического иконописания в Пошехонском уезде Ярославской губернии. Он давал нелестную характеристику этой школе, «прославившей себя дешевизной и скоростью работы над иконами, но вместе блиставшей своим невежеством и искажением подлинного искусства иконописания» [5. Л. 59 об.].

Такую эволюцию странническое иконописание претерпело при дальнейших последователях и преемниках Ильи Степановича Репкина (до 1820 – ок. 1880) и Антипы Даниловича Смирнова (1820–1909), которых М.И. Залесский называет родоначальниками страннического иконописания, посвятив свое сочинение исследованию их творчества. Сведения об Илье Репкине довольно скудны, в то время как об Антипе Смирнове историк страннического согласия рассказывает очень подробно, не ограничиваясь биографией, пытается охарактеризовать его творчество.

Оба иконописца – Илья Репкин и Антипа Смирнов – были почти ровесниками, происходили из крестьян, родители их были приверженцами старой веры. Илья Репкин родом из деревни Тереховка Бурмакинской волости Ярославского уезда. Время его обращения в странническое согласие не известно, однако, по сведениям М.И. Залесского, уходя в странство, Илья Репкин уже был сложившимся мастером. Иконы его работы, «весьма умело и чисто написанные, показывают, что и искусство иконописания у него было изучено основательно» [5. Л. 3 об.]. У кого он обучался –

не известно, но есть непроверенное предание, что у старообрядца-иконописца в Ярославле.

Антипа Смирнов, уйдя в странство в юношеском возрасте, поселился в Сопелках, где обучился грамоте и церковному уставу. В дальнейшем он, как и Илья Репкин, оказался в обучении у некоего старообрядца-иконописца в Ярославле. М.И. Залесский полагал, что обучению обоих в Ярославле мог содействовать наставник, основатель толка статейников Никита Семенович (в братстве которого состояли оба мастера), благодаря своей близости к известным ярославским покровителям странников Понизовкиным, оказавшим содействие в этом вопросе.

В 1851 г. Илья Репкин был арестован по делу комиссии Стенбока для расследования странников. Сидел в Ярославской тюрьме около 5 лет, где занимался резьбой икон на камне, перламутровых раковинах и мамонтовой кости, чем заслужил уважение графа Стенбока. После выхода из острога принял участие в выставке, получил аттестат с гарантией от наказания при каком-либо проступке, ему была назначена ежегодная пенсия. Жил в деревне Барышки, обучил искусству иконного письма несколько известных страннических наставников: старца Зосиму Ивановича, Меркурия Григорьевича, старца Иону Антоновича и Федора Степановича, которые были «мастера... в свое время довольно искусные» [5. Л. 65]. Все они проживали в Ярославском пределе, считались наиболее опытными иконописцами и свидетельствовали иконы новичков, определяя их годность или негодность для странников. Ярославский предел был проверочным пунктом для иконописцев «северных стран». Известно, что именно здесь обучался иконному письму каргопольский наставник зырянин Прохор Филиппович Ильин [6. С. 201]. Умер Илья Репкин не позднее 1880 г. от «запойства», отчего «правители странников не решились умершего помянуть на имя, ни вписать его имя в поминальные синодики». «Так исчез человек незаметным образом исподтишка без какой-либо оценки его трудов и достижений» [7. Л. 4].

Иначе сложилась жизнь Антипы Даниловича Смирнова, которая после знакового для странников собора в Сопелках 1848 г. была связана с Ивановским пределом. Познакомившись со старшим Кинешемского предела Федором Ивановым, под угрозой надвигающейся следственной комиссии под руководством графа Стенбока, он ушел вслед за ним в пределы Кинешмы. Живя в разных деревнях (Малая прихода села Дебово, Ликино прихода села Даниловского, Галуевской, Синие Гари, Волково, Косачево), он изучал искусство иконописания, исполнял церковный устав, обучал иконному мастерству учеников. В дальнейшем, как пишет М.И. Залесский, «любовь к искусству и нравственного воздержания жизнь, проводимая Антипой, выдвинули его из среды других старцев» [7. Л. 11]. Около 1867–1868 г. он был назначен на место старшего Ивановского предела и переместился в Иваново.

М.И. Залесский сообщает о том, что иконы работы Антипы Смирнова вызывали неприятие у руководителей согласия. Он приводит слова старца Никиты Семенова, который считал, что нужно «писать иконы так, как у старообрядцев пишут, а не иначе» [7. Л. 67].

Творческая индивидуальность Антипы Смирнова не укладывалась в тесные рамки канона, от чего он часто страдал. Ф.М. Виноградов сообщал о соборе, устроенном над иконами Антипы Смирнова в 1882–1883 гг., во время которого его произведения были подвергнуты суровому осмотру, признаны «поклонения не достойными» и преданы «вечному истреблению» – зарыты в землю на горе у речки близ деревни Косачево [7. Л. 5].

Вероятно, уже после этого события Антипа Смирнов через своего ученика Феодосия Карпова познакомился с известным собирателем древностей и старинных икон старообрядцем Григорием Матвеевичем Прянишниковым, в доме которого они жили, расчищали его древние иконы и снимали с них копии [7. Л. 63]. Именно здесь Смирнов сделал выбор в пользу строгановского метода иконописания с его миниатюрностью, как наиболее соответствующего страннической идее бегства и укрытия. Этим же, вероятно, была обусловлена и любовь странников к иконам в технике миниатюрной резьбы.

Выше уже отмечалось, что искусным резчиком икон на камне, перламутровых раковинах и мамонтовой кости был Илья Репкин, который обучил этому искусству Антипу Смирнова. Ученик пошел дальше своего учителя, превзойдя его в искусстве и приблизившись в мастерстве горельефной резьбы к скульптуре, не приемлемой для старообрядцев [7. Л. 60 об.; 8. Л. 10 об.]. М.И. Залесский составил списки известных ему произведений Антипы Смирнова и Ильи Репкина [7. Л. 75–76 об.]. В первом – восемь резных на кости и перламутровых раковинах икон работы А. Смирнова, с указанием лиц, в руки которых они попали после революции; во втором девять резных на шиферном камне, кости, перламутровой раковине и кипарисе икон работы Ильи Репкина, с указанием размеров двух из них: иконы «Седмица» на черном шиферном камне с обливкой в олово (20,5 × 15,5 см) и «триптиха» «Деисус» на перламутровой раковине размером 5 × 4 см. Была ли продолжена традиция изготовления миниатюрных икон в технике резьбы другими странниками, не известно.

Большое влияние на А. Смирнова оказало устроенное Г.М. Прянишниковым знакомство со знаменитым художником-фотографом Андреем Осиповичем Карелиным, у которого он проживал вместе со своим учеником Ф.Д. Карповым две недели. А. Карелин предоставил в их пользование всю коллекцию рисунков и фотографий, в результате чего Антипа Смирнов получил «в своей работе чисто художественное направление» [8. Л. 10–12 об.]. М.И. Залесский сообщает, что Смирнов не пользовался образцами, рисунками и сколками, самостоятельно строил композицию, считал необходимым знание перспективы, и, хотя сам не вполне ее усвоил, любил и применял. Уже его ученик Феодосий Карпов изучал перспективу по учебнику Жоржа Тено, а в дальнейшем уроки перспективы вменялись ученикам в обязанность. На этом основании М.И. Залесский делает вывод, что иконописцы страннического согласия продвинули вперед культуру иконописания, совершенствуя ее со всех сторон, в противоположность характерной для старообрядческого мира традиции вычерчивать общие контуры изображения по готовым образцам – колотым рисункам [7. Л. 71].

Искусство Антипы Смирнова высоко ценили выдающиеся современники Г.М. Прянишников и А.О. Карелин, которые, по всей видимости, поспособствовали его участию на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. На ней было представлено его резное на кости Распятие, живописная («писчая». – М.З.) икона «Дванадцатые праздники», вырезанное на перламутровой раковине «Воскресение Христово». Все работы были выполнены, как пишет М.И. Залесский, «в строгановском стиле», очень мелко и чисто. Комиссия присудила мастеру за трудолюбие и искусство серебряную медаль, которую он не получил, так как, будучи странником, не посчитал возможным явиться для принятия награды [7. Л. 64].

М.И. Залесский сообщает, что число икон, написанных Антипой Смирновым по заказу разных братств, не поддается точному исчислению [7. Л. 64]. Воспитал А. Смирнов и много учеников, сведения о которых дает составленный М.И. Залесским список иконописцев Ивановского предела и Вичуги [7. Л. 78–79об.]. Список носит черновой характер, содержит вычеркивания, пометы на полях, добавления и переносы. В нем названы фамилии, имена и отчества иконописцев, по всей видимости, в странничестве, иногда только имена и отчества, годы жизни, откуда родом, у кого учился иконописанию, дается краткая характеристика творчества («писал мало», «писал плохо», «был даровит»), где жил, живет или когда «помер». Сведений о статусе иконописца в страннической иерархии список не содержит.

Однако есть основания полагать, что многие из названных в списке лиц были известными наставниками. Это подтверждает наблюдение М.И. Залесского о том, что иконописание воспринималось в среде странников как искусство, необходимое для «старейших». В число старейших определяли «заслуживших достойное уважение» не только «по ведению божественных писаний и по беспорочности жития», но и «по опытности искусства» [7. Л. 50].

Первым учеником Антипы Смирнова был **Федор Михайлов** (1840–1918), родом из Кинешемского уезда, проживавший в Вичуге. Возможно, это один из самых влиятельных страннических наставников, старший Вичугского округа, вставший в оппозицию А.В. Рябинину в знаменитом споре 1910-х гг., приведшем к расколу в церкви странников-статейников. Самым талантливым учеником Смирнова был **Карпов Феодосий Демьянович** (род. ок. 1845), родом из села Широкова Нерехтского уезда. Он внес в искусство страннического иконописания множество новшеств. При жизни Антипы Смирнова Карпов был его деятельным сотрудником, обучил много учеников. На момент написания списка ему было 84 года (это дает основание датировать сочинение М.И. Залесского не концом 1930-х гг., как полагает В.Г. Подковырова, а несколько раньше – около 1929 г.), и проживал он в пределах Вичуги. У Смирнова осваивали искусство иконного письма братья **Блиновы Василий и Федор Алексеевы**, из которых особенно даровит был Василий. Оба проживали в Иванове. Василий Алексеевич Блинов также был странническим наставником, во-

дил в окружение старейшего Вичугского предела Федора Михайловича. В числе учеников Антипы Смирнова М.И. Залесский называет и **Иосифа Афиногенова Важнова**, также знаменитого страннического руководителя, сторонника Федора Михайлова, человека широких интересов, знаний и начитанности [6. С. 285]. М.И. Залесский сообщает о нем, что он жил сначала с отцом в Саратовском пределе, затем в Ярославском, умер в 1919 г. в возрасте 50 лет. Еще один ученик Антипы Смирнова, и его крестник – **Вечерин Михаил Васильев**, родом из Тверских пределов. Учился у А. Смирнова и у Ф. Карпова. На момент написания списка (конец 1920-х гг.) жил в пределах Вичуги.

В списке учеников Федора Михайлова, первого ученика Антипы Смирнова, обращает на себя внимание имя **Бушуева Давыда Васильева**. Он нем М.И. Залесский сообщает, что родился он в 1870-х гг., родом Вичугский, «живет все время там же», в странстве с 20 лет, крестник Федора Михайлова. Давыд Васильевич Бушуев – один из известных руководителей страннической церкви, биографию которого М.И. Залесский приводит в одном из своих сочинений [6. С. 261]. В числе других его учеников – **Колотухин Маркел Игнатьев**, «саратовской», учился у Федора Михайлова и у Ф.Д. Карпова, умер около 1920 г. в Яковлевском пределе «от роду лет 30-ти»; **Пятаков Иван Михайлович** из села Кувакина, учился у Федора Михайлова под Вичугой, жил в дер. Исуповской, писал мало и плохо, умер после революции в Вичугской стране; его брат **Пятаков Феофил Михайлович**, «писал лучше брата, помер молодым около 25 лет от роду»; Пензенской **Селивестр Егоров**, учился у Федора Михайлова и у Феодосия Карпова в 1910–1911 г., потом жил в Яковлевском пределе, писал под присмотром и указанием Иосифа Анф(иногенова Важнова? – Н.П.), умер в конце 1915 г. в возрасте 30 лет.

Много учеников обучил талантливый последователь Антипы Смирнова Карпов Феодосий Демьянович. Помимо вышеназванных М.И. Колотухина, М.В. Вечерина, пензенского Селивестра Егорова, он обучил **Георгия Ивановича Пономарева**, о котором М. И. Залесский сообщает, что родом он тагильский Уральской области, во время революции женился, в конце 1930-х гг. еще проживал в Ярославле.

Сотрудником Ф.Д. Карпова М.И. Залесский называет наставника **Меркурия Григорьевича**. Кроме того, у Карпова учился **Петр Димитриевич** из села Кувакина, который также обучался у Ионы Антонова и умер в чахотке молодой лет 30. Учениками Ф.Д. Карпова были **Терпигорев Алексей Евтихееч** (в конце 1930-х гг. ему было лет 45 или 50, жил в селе Новом Яковлевского братства), а также **Таланов Леонид Иванович**, родом из Новой Вичуги, который, помимо учебы в Ярославском пределе у Карпова, учился также в Иванове у В(асилия) А(лексеевича), предположительно, Блинова. Умер «не старый еще» до революции.

Сотрудником Василия Алексеевича Блинова был **Озеров Степан Сергеевич**, родом из деревни Завидова Корчевского уезда Тверской губернии. Озеров учился писать иконы в Ярославском пределе. По сведениям Залесского, он скоро вышел из странства, же-

нился и в конце 1920-х гг. жил в деревне Игумениха близ ст. Бурмакино северной железной дороги. В свою очередь, С.С. Озеров обучил иконописанию **Круглова Григория Алексеевича**, уроженца деревни Подосениха Диевогородищевской волости, который впоследствии обучался у Вениамина Федосеева. О Круглове М.И. Залесский сообщил, что тот «живет открыто» в Ярославле.

Вениамин Федосеев и **Василий Максимов** – иконописцы, названные Залесским в качестве учителей, без каких-либо дополнительных сведений. У Василия Максимова учился **Никита Иванов**, о котором М. Залесский сообщает, что писал он плохо, жил в Пошехонском уезде в пределе Ермаковском, вышел из странства, женился в деревне Передяга Даниловского уезда, где и жил. Умер около 1920 г. «ехавши из Данилова пьяным».

В списке есть несколько имен, сведения о которых ограничиваются информацией о их обучении в Ярославском пределе, без указания имени иконописца-учителя: **Лазарь-«саратовец»**, который был прислан в Ярославский предел обучаться иконному мастерству в первом десятилетии XX в. («писал порядочно и уехал опять куда-то»); **Едесий** (зачеркнуто, отчество плотно заштриховано, прочитывается – Степанов?) **Терентьев**, учился в Ярославском братстве, жил под Яковлевск(ом) и около 1910 г. вернулся в Саратов; «Мезенской» **Александр Иванович**, учился и жил в Ярославском пределе, писал плохо, в начале войны до революции уехал на родину в Мезень Архангельской губернии; **Прокопий Иванов** из Казанских пределов, учился около 1910 г. в Ярославском пределе и вернулся на родину. Нет сведений и о том, у кого обучался **Петухов Иоасаф Михайлов**, родом Пошехонский с Мусоры деревни Мыдья. Рядом с его именем сделана пометка, что он был старшим в Шаготском пределе, писал плохо.

В списке назван единственный ученик иконописцев Ярославского предела Ионы Антоновича и Зосимы Ивановича – «Смоленской» **Василий Максимович**, работавший в Пошехонском пределе самостоятельно с 1890 г. После революции, как сообщает М.И. Залесский, он уехал в Пензенскую губернию.

Всего в списке иконописцев Ивановского предела и Вичуги названо 28 имен. География происхождения – Архангельская, Казанская, Костромская, Пензенская, Пермская (Нижний Тагил), Саратовская, Смоленская, Тверская, Ярославская губернии. Пятеро из списка – Антипа Смирнов, Федор Михайлов, Василий Блинов, Иосиф Важнов, Давыд Бушуев – были знаменитыми руководителями страннического согласия. Как следует из списка, многие выходцы из различных губерний после обучения возвращались на родину или переезжали в другие места, где могли

продолжать писать иконы для последователей своего согласия. Они продолжали сохранять связи со своими наставниками, обмениваясь образцами, прорисьями и сколками. Об этом свидетельствуют, в частности, образцы из коллекции рабочих материалов каргопольских странников, в составе которых есть подписные образцы, как например, сколок с иконы «Воскресение – Сошествие во ад» с подписью «Рис. Стефанъ Сергеевичъ // Василию Ивановичу 7422 го» [9] – возможно, руки Стефана Сергеевича Озерова, а также прорись с иконы «Рождество Христово» с подписью «1906 года июня 8 Прохору Филипповичу Петръ Димъ» [9] – возможно, руки иконописца Петра Димитриевича.

Размышляя о творчестве Антипы Смирнова и последующих поколений иконописцев-странников, М.И. Залесский задавался вопросом, «где та предельная норма и грань, которую не должен переступить художник-странник»? Восхищаясь искусством Антипы Смирнова, он с сожалением констатировал, что в дальнейшем иконописцы-странники «встали на твердую почву, почву древности», избрав своим направлением «строгановский стиль, который с московским очень рано и давно объединился», «попустили наплотить в общине богов и образов мертвых, бледных и безжизненных, обезображенных в самом рисунке неточной рукой мастера-богомаза» [7. Л. 67].

Таким образом, сочинения М.И. Залесского, несмотря на субъективный характер оценок, являются важным источником для изучения иконописной культуры старообрядцев страннического согласия в конце XIX – начале XX в. Сведения этого источника – первый шаг к выявлению и изучению иконописного наследия странников в сохранившемся до наших дней корпусе памятников старообрядческой художественной культуры.

Странничество, провозгласившее разрыв традиционных связей, способствовало формированию новых межкультурных коммуникаций, возникновению новых художественных форм, как это, в частности, произошло с творчеством Антипы Даниловича Смирнова, или же деятельностью мастерской Каргопольского предела, в которой традиции ярославской иконописной школы продолжали выходцы из иноэтничной среды, зыряне, носители коми языка. В связи с этим большой интерес представляет вопрос о формировании локальных иконописных центров в различных регионах проживания последователей страннического вероучения, который позволит оценить степень уникальности такого явления, как Каргопольский художественный центр, возникший в начале XX в. в Каргопольском уезде Олонецкой губернии для обеспечения нужд северных странников. Все это является задачами будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подковырова В.Г. Иллюминированные страннические рукописи в составе Каргопольского собрания БАН России // Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции / науч. ред. и сост. Н.И. Решетников. М., 2002. С. 165–166.
2. Плаксина Н.Е. Иконописное искусство каргопольских странников // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2012. № 3 (94). С. 4–20.
3. Плаксина Н.Е. Художественное наследие старообрядцев-странников «Каргопольского предела» в государственных и частных собраниях Северо-Западного Федерального округа // Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X–XXI вв. : материалы XIV Каргопольской научной конференции (15–18 августа 2016 г.) / науч. ред. и сост. Н.И. Решетников, Н.И. Тормосова. Каргополь, 2018. С. 235–239.

4. Плаксина Н.Е. Организация иконописного дела среди старообрядцев-странников (по материалам БАН) // Современные проблемы археологии. Вып. 2 : сб. ст. по материалам конф. к 300-летию Библиотеки Российской академии наук 21–24 октября 2014 г. СПб., 2016. С. 421–434.
5. Залесский М.И. Илья Репкин и Антипа Смирнов, их жизнь и творчество в связи с общим обозрением искусства иконописания среди странников // Библиотека Российской академии наук (БАН). Каргоп. 83.
6. Прокуратова Е.А. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб. : Пушкинский Дом, 2010.
7. БАН. Каргоп. 83.
8. Виноградов Ф.И. Антипа Смирнов как художник // БАН. Каргоп. 86.
9. БАН. Каргоп. 284.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2021 г.

Maxim Zalessky on the Icon Painting of the Old Believer Wanderers (The Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 183–187.

DOI: 10.17223/15617793/469/24

Natalia E. Plaksina, National Gallery of the Komi Republic (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: nplaks@mail.ru

Keywords: Old Believers; Wanderers (Skrytniks); icon; icon painting; icon painters; written sources; Yaroslavl district; Ivanovo district.

The aim of the article is to introduce into academic discourse the data from a unique source on the history of icon painting within the most radical and little-studied Old Believer movement Wanderers (Escapists, Skrytniks), namely, the essay “Ilya Repkin and Antipa Smirnov, Their Life and Work in Connection With the General Survey of the Art of Icon Painting Among the Wanderers” by the historian of the Wanderers Maxim Ivanovich Zalessky (1894–1975). The work is part of the Kargopol Collection of the Manuscript Department of the Library of the Academy of Sciences. In this essay, written presumably at the end of the 1920s, Zalessky examines the history and evolution of the icon painting of the Old Believer Wanderers from the mid-19th c. till the early 20th c. The very emergence of a work devoted to icon-painting has no precedent among the Old Believers of the period under consideration and testifies to the special importance of this issue for the Wanderers. The adherents of this radical creed believed that the Antichrist reigned in the world, and were especially zealous for icons, worshiping only pre-Nikon images. The active growth of the adherents of the creed in the middle of the 19th c. prompted the creation of their own icon-painting. The analysis of the source allows tracing the history of the formation of icon-painting among the Wanderers based on biographies of two icon painters – Ilya Repkin and Antipa Smirnov, who Zalessky called the founders of the Wanderers’ icon painting. It is established that these icon painters learned the craft from a certain Yaroslavl Old Believer icon painter. They used the miniature carving technique on stone, wood, bone, and nacre. Later, Smirnov used miniature painting in the Stroganov style as the most appropriate to the idea of escape and shelter. Repkin and Smirnov trained people who became icon painters of the Yaroslavl and Ivanovo districts. The names and number of icon painters of the Ivanovo district, the geography of their origin are given; in some cases their mentor status is established, which confirms the special importance of possessing the icon-painting craft for the elders of the Wanderers. At the same time, the source leaves open the question of the unity of the style of the Wanderers’ icon painting, although Zalessky believed that by the beginning of the 20th c. they had established a kind of school, which he called “Poshekhonskaya”. The author notes the contradiction between the unique artistic talent of Antipa Smirnov and the general ideas of the Wanderers’ mentors about what the “right” icon was: the focus was not the art quality, but fidelity to the conventionally understood ancient tradition of icon painting and the icon painter’s moral way of life. The introduction of this unique written source is the first step towards the identification and study of the icon painting heritage of the Wanderers in the extant complex of works of the Old Believer culture, and towards the study of local icon painting centers in the different regions where the adherents of the Wanderers live.

REFERENCES

1. Podkovyrova, V.G. (2002) *Illyuminirovannyye strannicheskie rukopisi v sostave Kargopol'skogo sobraniya BAN Rossii* [Illuminated Wanderers’ manuscripts as part of the Kargopol Collection of the Library of the Academy of Sciences of Russia]. In: Reshetnikov, N.I. (ed.) *Khristianstvo i Sever. Po materialam VI Kargopol'skoy nauchnoy konferentsii* [Christianity and the North. Based on the materials of the VI Kargopol Conference]. Moscow: [s.n.], pp. 165–166.
2. Plaksina, N.E. (2012) *Ikonopisnoe iskusstvo kargopol'skikh strannikov* [Icon painting art of Kargopol Wanderers]. *Antikvariat, predmety iskusstva i kollektirovaniya*. 3 (94). pp. 4–20.
3. Plaksina, N.E. (2018) [Artistic heritage of Old Believers-Wanderers of the Kargopol district in public and private collections of the North-West Federal District]. *Kargopol' i Russkiy Sever v istorii i kul'ture Rossii. X–XXI vv.* [Kargopol and the Russian North in the history and culture of Russia. 10th–21st centuries]. XIV Kargopol Conference Proceedings. 15–18 August 2016. Kargopol. pp. 235–239. (In Russian).
4. Plaksina, N.E. (2016) *Organizatsiya ikonopisnogo dela sredi starobryadtsev-strannikov (po materialam BAN)* [Organization of icon painting among Old Believers-Wanderers (based on the materials of the Library of the Academy of Sciences)]. In: *Sovremennyye problemy arkhologii* [Modern problems of archeography]. Vol. 2. Saint Petersburg: National Library of Russia. pp. 421–434.
5. Library of the Academy of Sciences (BAN). Kargopol Collection. 83. Zalesskiy, M.I. *Il'ya Repkin i Antipa Smirnov, ikh zhizn' i tvorchestvo v svyazi s obshchim obozreniem iskusstva ikonopisaniya sredi strannikov* [Ilya Repkin and Antipa Smirnov, Their Life and Work in Connection With the General Survey of the Art of Icon-Painting Among the Wanderers].
6. Prokuratova, E.A. (2010) *Starobryadcheskaya kul'tura Komi kraya XVIII–XX vekov: knigopisnaya deyatel'nost' i literaturnoe tvorchestvo udorskikh staroverov* [Old Believer Culture of the Komi Territory of the 18th–20th Centuries: Book Writing and Literary Creativity of the Udor Old Believers]. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom.
7. Library of the Academy of Sciences (BAN). Kargopol Collection. 83.
8. Library of the Academy of Sciences (BAN). Kargopol Collection. 86. Vinogradov, F.I. *Antipa Smirnov kak khudozhnik* [Antipa Smirnov as an artist].
9. Library of the Academy of Sciences (BAN). Kargopol Collection. 284.

Received: 11 February 2021